

## Глава 4

# Дорогая Деметра

Когда в 1970 году я уезжала из Кливленда в колледж, я была как запечатанная бутылка молока: цельная и не-проницаемая для опыта. Когда меня спрашивали, откуда я родом, я говорила: со Среднего Запада. Если расспросы продолжались, я говорила: из штата Огайо. И если интерес по-прежнему не был утолен, я сообщала, что родилась в Кливленде. На Западной стороне. Рядом с зоопарком. С Кливлендом связана одна примечательная история: этот город печально известен тем, что там загорелась река<sup>1</sup>. Местные диджеи называли его «лучшей локацией в истории нации». Мы же — «недоразумением на озере».

Я ходила в католическую среднюю школу для девочек. К тому времени, как мне исполнилось восемнадцать, я успела побывать не дальше Детройта на западе,

---

<sup>1</sup> Река Кайахога загоралась больше десяти раз из-за плавающих в ней масел и мусора, что привлекло внимание американской общественности к проблеме промышленного загрязнения.

Колумбуса на юге и Ниагарского водопада на востоке. Озеро Эри было моей самой северной точкой. Я спала и видела, как буду учиться в школе-интернате в Швейцарии, освою французский, немецкий, итальянский. Колледжи Рэдклифф, Смит и Уэллсли<sup>1</sup> были из области фантастики. Мой отец мог позволить себе отправить меня разве что в один из государственных университетов штата Огайо. А еще он хотел, чтобы я осталась в Огайо. Я же была полна решимости сбежать оттуда.

Когда я учились в старших классах средней школы, один мой друг, который в тот момент изучал колледжи для поступления, сказал мне: «Тебе следует пойти в Ратгерский университет — он славится своей кафедрой молочного дела». У меня тогда был пунктик насчет коров. Эти неспешные создания с материнскими инстинктами вызывали в моем воображении сцены из пасторальной жизни. Мое нежное к ним чувство распространялось на все аспекты молочной промышленности: амбары, силос, молоко, сыр, картины с изображением коров. В конце концов я даже начала водить молочный фургончик в Кливленде — это была моя лучшая в жизни работа (фасовка моцареллы на сырном заводе в Вермонте была худшей, а редактирование текстов в «Нью-йоркере» — самой продолжительной).

Будучи подростком, я мечтала о том, чтобы завести трех коров и одного бычка на молочной ферме, где много

<sup>1</sup> Они входят в ассоциацию старейших и наиболее престижных женских колледжей восточного побережья США «Семь сестер».

зелени и нетронутая природа, предпочтительно в Вермонте (изначально моя мечта простиравась до Садового штата<sup>1</sup>).

Ратгерский университет, хотя по его названию и кажется, что он входит в Лигу плюща<sup>2</sup>, является основным государственным университетом Нью-Джерси, и обучение в нем стоило всего на 200 долларов за семестр больше, чем в каком-нибудь государственном университете штата Огайо. Эту сумму я могла скопить сама, подрабатывая после учебы (я приклеивала ценники на одежду в магазине уцененных товаров «У дяди Билла»). И я подала заявление в Дуглас, женский колледж Ратгерского университета.

Мой отец смягчился, и осенью 1970 года мы отправились на восток по Пенсильванской магистрали. Мы добрались до Норристауна и остановились на ночь в «Короле Пруссии» (меня всегда радовали подобные названия), а утром поехали по магистрали Нью-Джерси в Нью-Брансуик. Доставив меня в студенческое общежитие, отец обнял меня за плечи, быстро клюнул в щеку и сказал: «Не люблю долгих прощаний». Он слегка запрокинул голову, чтобы я не видела его навернувшихся слез. Мне тоже было грустно, но это был поворотный момент: я добилась того, чего хотела, и ни капельки не жалела.

---

<sup>1</sup> Прозвище Нью-Джерси.

<sup>2</sup> «Лига плюща» (The Ivy League) — объединение восьми элитных американских университетов, семь из которых были основаны еще до обретения Штатами независимости.

На Джордж-стрит находились «Продуктовый магазин Дейва» — весьма незатейливое название для бакалеи — и какой-то ветхий домишко с растениями пурпурного цвета, росшими на крыльце. Они напоминали сирень, но ведь она цветет только весной. В каком зачарованном, диковинном месте я очутилась! Сиреневый цветок оказался глицинией — она продолжает цвести, если ее обрезать. С тех пор я не раз вдыхала ее аромат на Капри и Корфу, ела<sup>1</sup> на острове Мартас-Винъярд и даже посадила собственную лозу на Рокавее, где она оплетает мое бунгало.

Но самое интересное в моем побеге из Огайо заключалось в том, что у многих уроженцев Нью-Джерси были друзья, которые отправились в противоположном направлении. «В Огайо полно хороших учебных заведений, — говорили они. — Есть Оберлинский колледж, Хайремский колледж, Западный резервный университет Кейза. Почему ты приехала сюда?»

Во-первых, в Нью-Джерси был океан. А я никогда до этого не видела океан. Я больше ничего не знала об этом штате, я думала, что его столица — Атлантик-Сити<sup>2</sup>. Мой новый друг, ужаснувшись, что я никогда не была на океане, взял у кого-то машину и отвез меня в Эсбери-парк<sup>3</sup>. Я помню, в какой трепет меня повергло осознание, что океан где-то на востоке. В Кливленде

<sup>1</sup> Обжаренные семена этого растения можно употреблять в пищу.

<sup>2</sup> Столица штата — город Трентон, а Атлантик-Сити — курортный город на побережье, известный своими казино.

<sup>3</sup> Город в штате Нью-Джерси, славящийся пляжами.

большая вода всегда была на севере. Изменилось мое мироощущение относительно всего континента!

Моим первым курсом по английскому языку в Дугласе были «Автобиографии», мы начали с поэтических сборников Сильвии Плат<sup>1</sup>: «Колосс» и «Ариэль». Ее самоубийство меня разозлило. У меня было ощущение, что меня, первокурсницу, знакомят с чем-то безобразным; я узнала, что такое отчаяние. Ее публиковали, она училась в Смит-колледже, вышла замуж за симпатичного британского поэта<sup>2</sup>, у них родились дети — у нее было все. Но она, кажется, так и не сумела оправиться после смерти отца<sup>3</sup>. Читая ее стихи, я не могла отделаться от мысли, что как будто должна сопереживать ее стремлению к смерти.

Вторая книга, которая оказала на меня большое влияние, называлась «Воспоминания о католическом девичестве» Мэри Маккарти<sup>4</sup>. Она была не согласна с мнением, что должен существовать какой-нибудь бог, потому что кто-то — или что-то — сотворил Вселенную: разве сложно представить, что все это время Вселенная существовала сама по себе? (Наверняка у этой ереси уже есть название.) Меня ужаснули некоторые вещи, которые писала Мэри Маккарти. Хорошо, она не верила в Бога, но неужели

---

<sup>1</sup> Сильвия Плат (1932–1963) — американская поэтесса и писательница, чьи произведения носят автобиографический характер.

<sup>2</sup> Плат была замужем за выдающимся поэтом и детским писателем Тедом (Эдвардом Джеймсом) Хьюзом (1930–1998).

<sup>3</sup> Плат на протяжении долгого времени страдала клинической депрессией, а также тяжело переживала измену мужа.

<sup>4</sup> Мэри Маккарти (1912–1989) — американская писательница, литературный критик и политическая активистка.

нужно было непременно оскорблять его? Я бы оставила себе пути для отступления. Я поделилась этими мыслями на уроке и, когда профессор сказал, что он сам атеист, была в шоке. Он мне успел понравиться, но я была католичкой — как же мне теперь испытывать симпатию к атеисту?

На обратном пути в общежитие я поймала себя на том, что молюсь. Это моя привычка, способ поговорить с самой собой, не чувствуя себя при этом безумной. «Боже, пожалуйста, не лишай меня веры в тебя». Перед следующим занятием у меня случилось озарение. Разве непогрешимость, согласно которой Папа не может ошибаться в вопросах веры, потому что он непосредственно подчиняется Богу, не столь же абсурдна, как уверенность императора Японии в своем происхождении от солнца? Вся моя система взглядов вдруг рухнула: Отец, Сын и Святой Дух. (Может, именно от этого меня старался оградить отец, не желая отпускать из Огайо?) В любом случае я вдруг обнаружила, что человек может называть себя вслух атеистом, но при этом утверждать, что, говоря словами из Катехизиса, Римско-католическая церковь является единственной настоящей святой католической и апостольской церковью.

Бутылку молока распечатали.

Вскоре я уже записывалась на курсы с такими экзотическими названиями, как астрономия, экзистенциальная философия и мифология. Я бросила астрономию (слишком много математики) и ушла с головой в экзистенциализм,

но именно мифология стала для меня откровением. Ее читала профессор Фрома Цейтлин, которая задавала нам выдающиеся произведения: «Орестею», Гомеров «Гимн к Деметре», работы Клода Леви-Страсса, чей антропологический подход к мифу является основой структурализма, Мирчи Элиаде, румынского историка религии, и Карла Юнга, швейцарского психиатра, который разработал теорию архетипов.

Профессор Цейтлин только начинала свою преподавательскую карьеру, но у нее сразу появилась поклонница. Фрома Цейтлин была вдохновенным лектором и читала курс по мифологии так, что искры летели. В 1976 году она переехала в Принстон, где преподавала в течение нескольких десятилетий. Она получила известность благодаря своему подходу к античной литературе, с которым мне посчастливилось познакомиться еще будучи на втором курсе («Вы учились у Фромы Цейтлин?» — с благоговением в голосе спросил меня спустя годы один филолог-классик). Особенно красноречиво она рассказывала нам о Великом круге (круговороте жизни и смене времен года), а также о матери-земле Гее, когда разбирала с нами миф о Деметре и Персефоне и связанные с этим мифом Элевсинские мистерии.

Посвященные в обряд мистерий шли процессией из Афин в Элевсин по священной дороге, вдоль которой располагалось множество гробниц. Никто точно не знает, какими именно были эти мистерии, но они были как-то связаны со смертью. Элевсин был центром поклонения

Деметре, богине плодородия. Среди греческих богов она была матушкой-природой. Ее дочь Персефону, которую часто называли Корой (что означает просто «девушка»), похитил Аид и увез в подземный мир. Ее изнасиловали и похитили — и никто ничего не мог с этим поделать. В исполнении профессора Цейтлин это прозвучало как нечто неизбежное: «Девы всегда оказывались достаточно зрелыми для принесения в жертву». Я была девственницей, и, как и многим моим однокурсницам, мне не терпелось расстаться с этим сокровищем, но я никогда не думала об этом в таком ключе.

Потеря дочери обернулась для Деметры настоящей трагедией: у нее больше не было сил заниматься вопросами плодородия. Никому не удавалось ее утешить, из-за чего страдали и простые смертные. Если матушка-природа не родит зерна, если ничто не растет и ничто не цветет, никто ничего не ест. Горе Деметры привело к голоду. Зевс и остальные боги вдруг поняли, что, если люди вымрут, никто им не будет поклоняться. Боги очень эгоистичны, и поэтому Зевс разрешил невесте поневоле вернуться к маме. Но не все оказалось так просто: прежде чем Персефона покинула царство мертвых, Аид заставил ее съесть несколько зерен граната. Кажется, раньше я и не слышала о таком фрукте. Это красный шар с множеством зернышек, их там непристойное количество — не фрукт, а сплошное семя. Так как Персефона отведала граната — «взяла его семя в рот», — она была вынуждена вернуться в подземный мир.